

ляется рожденнымъ «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», а съ другой то, при которомъ, въ минуты отсутствія вдохновенія, онъ же можетъ быть ничтожнѣйшимъ «изъ всѣхъ дѣтей ничтожныхъ міра...»

IV.

Прежде чѣмъ наглядно показать, на самихъ герояхъ произведеній гр. Толстого, процессъ собственного его самоопределѣнія, этическаго самообрѣтенія его *черезъ творчество*, мы должны предпослать этому нѣсколько замѣчаній о характерѣ позднѣйшей дѣятельности гр. Толстого, о свойствахъ теперешняго «переворота въ его жизни и литературной дѣятельности, его причинахъ и слѣдствіяхъ, дабы этимъ самымъ еще болѣе подготовить почву для дальнѣйшихъ сравненій, когда мы сведемъ героевъ гр. Толстого, изъ произведеній его одинадцати томовъ, на очную ставку съ послѣднимъ его XII-мъ томомъ....

Мы представляемъ себѣ теперешній переворотъ въ міросозерцаніи гр. Толстого, какъ сознательный и добровольный *разрывъ съ эстетическимъ возропщениемъ на жизнь и талантъ*. Мы всегда думали, что въ оцѣнкѣ переворота этого, повлекшаго за собою, въ свою очередь, измѣненія въ жизни и направленіи литературной дѣятельности названнаго писателя, важно то, какое значеніе мы придали мъ, вообще, усилиямъ одинокаго индивидуума, направленнымъ къ тому, чтобы вырваться изъ атмосферы привитыхъ съ дѣтства эстетическимъ характеромъ воспитанія и успѣвшихъ всосаться въ кровь и нервы понятій и привычекъ круга, съ которыми гр. Толстой, все таки, кровно, происходенiemъ своимъ связанъ...

Вотъ почему мы всегда цѣнили въ немъ не столько разныя «ученія» его съ ихъ противорѣчіями, являвшимися